

ПЕСНЬ БУРИ

Михаил ДУДИН

16 ноября с. г. будет сто лет, как в Санкт-Петербурге, на набережной Невы, родился Александр Блок... Сколько бурь и гроз за долгий век прогремело над тобою, Россия... Сколько людей прошло бесконечностью твоих дорог — героев, гениев, подвижников... Но живо и светло помню имя Блока в истории России и полновечно в душе его поэтические строки. Все, что свершилось на своем земном пути Александр Блок, было сделано во имя русской земли, во славу русской литературы, во благо русского народа. Сегодня мы открываем юбилейные блокостские публикации. Начинаем их из Ленинграда, города, который был для поэта единственной и всеобъемлющей любовью. И первое слово — поэту, Герою Социалистического Труда Михаилу Александровичу Дудину.

Я ВИЖУ, Я ПРЕДСТАВЛЯЮ СЕБЕ, как через огромный материк русской культуры, пересекая его сверху вниз, оплетая его бесчисленными руслами притоков, течет, набирая силу движения и звучания, как Волга, неиссякаемая река русской поэзии.

Каждый волен пропустить этот поток через себя, через свою душу, через ее опыт познания мира, чтобы стать причастным к самой связи времен, к полету творческого духа народа, к чуду его певучего языка, к его истории, убегающей в грядущее.

Этот поток могуч и необратим, и бесчисленные его истоки идут из утреннего тумана истории, из малых родничков песен и притч, сказаний и легенд, из глубин творческого духа народа-языковорца.

Он непостижим в своем величии. Над его истоком плачет вечный голос Ярославны, гуляют гусли скоморохов и начинают ликовать медная груба Державина. Через утренние плесы и старцы Жуковского, отраженные звезды мирового неба, он спешит к всеенному разливу Пушкинского гения, и звезды мирового неба начинают дивиться его красоте и силе, его уверенности в торжестве человечности. Потом этот поток переходит через Лермонтовскую горловину трагедии к великой печали равнинного течения Некрасовского голоса, оставляя, как загадки, Тютчевские глубины откровения.

Река русской поэзии течет в океан человеческого братства, достойно неся в себе бессмертный опыт народа, его истории. Она преодолевает барьеры лжи и несет чистую правду времени будущего. Она беспрерывна в своем движении. У нее нет пробелов.

И есть в этой необыкновенной реке Блоковский перекат.

Он стал тем явлением, в котором само время скре-

стило шпаги своих страстей, а страсти обрели вечную реальность в слове.

Александр Александрович Блок! Судьба наградила его всем: красотой и силой, мужеством прозрения мысли и великодушным гением. Он врос в свое время, и время это уже невозможно представить себе без его песни.

О весна без конца и без краю —
Без конца и без краю мечта!
Узнаю тебя жизни! Принимаю!
И приветствую звоном цита!

Так он понимал мир, его судьбу и свое назначение в этом мире. Так, вопреки всему, как и подобает истинному рыцарю, он видел и славил жизнь, тайные истоки ее творческих начал и никогда не изменял этому высокому оптимизму, даже на краю мороза и мрака он чувствовал «неслыханные перемены, невиданные метели». Он был истинным поэтом, а истинная поэзия всегда имела свойство заглядывания вперед, стягивания к своему магнитному полюсу меридианов всех тревог времени. Она не искала благополучия. Ее стихий была тревога и боль или сочувствие, равное самой боли.

Истинный поэт! Чтобы им быть, мало одной одаренности, надо еще иметь судьбу, сродственную к судьбой времени, надо еще быть на высоте понимания движущих сил истории, надо чувствовать все звенья бесконечной цепи жизни и обладать творческой верой в себя, в мир, в человека.

Чем талантливее поэт, тем он крепче сростается нервными волокнами своей души с миром и временем, тем больше, по своей воле, берет он на себя ответственность.

Александр Блок понимал: «Жить стоит только так,

чтобы предъявлять безмерные требования к жизни: все или ничего; ждать неожиданного; верить не в «то, чего нет на свете», а в то, что должно быть на свете; пусть сейчас этого нет и долго не будет. Но жизнь отдала нам это, ибо она — прекрасна».

Блок был пиццей своей стай. Его миром был мир высокой просвещенности. Он был рожден в семье потомственных русских интеллигентов: его дед был ректором Петербургского университета, отец — профессором права, мать — писательницей, переводчицей. Его женой стала дочь великого русского ученого Д. И. Менделеева.

Истинная поэзия — это торжество индивидуальности, а не индивидуализма. Творческая же индивидуальность так устроена, что обязательно оказывается на переднем крае жизни — душа ее может парить только на самых пронзительных сквозняках времени.

А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

И ничего тут не поделаешь!

Розовый туманный круг «Стихов о Прекрасной Даме» оказался тесен для души истинного поэта. Душа запросилась на вольную волю высшей ответственности. Двадцатитрехлетний филолог, рыцарь Прекрасной Дамы увидел то, что в конечном счете изменило его судьбу, придало ей полновесную значимость, а слову поэта — ответственность. Он увидел главное и своим прекрасным четким почерком написал: Фабрика

В соседнем доме она желты,
По вечерам по вечерам
Скрипят задумчивые болты,
Подходят люди к воротам.

И глухо заперты ворота,
А на стене — а на стене
Невиданный кто-то, черный кто-то
Людью считает в тишине.

Я слышу все с моей вершины:
Он медным голосом зовет
Согнуты измученные спины
Внизу собравшийся народ.

Они войдут и разбудятся,
Навалит на спины мути,
И в желтых окнах зазмеются,
Что этих нищих провели.

Он переписал это набело и поставил внизу дату: «24 ноября 1903». Это была первая ступень, с которой Блок начал подниматься к вершине своей жизни, поэзии, своей человеческой судьбы, это было время, когда уже пробуждались силы первой русской революции. Это был год Второго съезда РСДРП, съезда размежевания и создания Ленинской партии рабочего

Рожденные в года глухие,
Пути не помнят своего
Мы — дети страшных лет России —
Забыты не в силах ничего.

И Блок опять — в который раз! — прислушается к ветру времени, попытается понять, о чем он поет. И опять пойдет лабиринтом улиц и переулков, вышагивая, вымеряя и выверяя ритм своей души соотносительно с нервным ритмом мира. И пролетит год, и миры перед его мысленным взором. И он опять задумается:

Что счастье? Короткий миг и тесный,
Забвенье, сон и отдых от забот.
Очнешься — вновь безумный, неизвестный
И за сердце хватаются полет.

Ему уже не выйти из этого круга. Он — поэт. Он не может жить без раздумий о мире и о каждом встречном человеке. Такова уж его судьба. Он на веки веков приговорен к этому прекрасному беспокойству. Он и после смерти своей не даст покоя всем, кто захочет взглянуть в его вселенную, кто попадет в соловьиный сад его поэзии, в его космический корабль, стартовавший из своего земного дня в завтрашний день человечества.

Он вместе с народом, и шовинистический угар не ослепляет его трезвого взгляда, видящего, как ползет по лесам и полям России, по ее городам и весям «отравленный пар с галлийских кровавых полей». И поэт признается себе и времени, и всем временам:

Да, так дингулет аднокопенье:
Моя свободная мечта
Все льнет туда, где униженье,
Где грязь и мрак, и нищета.

У него хватало силы и мужества: «Пускай грядущего не видят — дням настоящим молвить; нет!»

Блок не может стоять и не стоит в стороне от дикого грохота войны. На его плечах тоже шинель беспрочно-серого цвета, серого, как туча горя и печали, закрывшая над Россией солнце жизни. Поэт с народом, в народе. Он сам частица этого необозримого множества воли и характеров, множества, которое «мертвецы» предали и завели на минное поле. Вступая в переключку с Некрасовым, Блок сам начинает размышлять о той одной-единственной душе, которой «не вернуть своих детей, погибших на кровавой ниве». Он создает потрясающий образ скорбящей России:

Черта за кругом плавный круг,
Над сонным лугом коршуны кружат,
И смотрит на пустынный луг —
В избушке мать над сыном тужит:
«На хлеба, на, на грудь, соси,
Расти, покорствуй, крест неси».

Идут века, шумит война,
Встает мятеж, горят деревни,
А ты все та же, моя страна,
В красе заплаканной и древней —
Доколе матери тужить?
Доколе коршуны кружить?

Это написано в 1916 году. На третий год мировой войны. За год до нашей Революции. Это написано в год моего рождения. Написано о моей родине России и о моей матери. Это написано о миллионах матерей мира, об их доле, об их глазах, полных горячих слез

класса. Поэт Александр Блок был далек от этих проблем, но сама правда поэзии расставляла в лабиринте его духовного мира те точные ориентиры, которые давали ему возможность в одиночку выбирать правильное направление. С мрачного и серого ноябрьского дня, когда была написана «Фабрика», сочувствие Блока стало перерастать в уверенность и убежденность. Процесс происходил медленно, болезненно, но бесповоротно, хотя мертвенный болотный мирок символизма, еще кураясь, туманил его высокое окно и застилал горизонт. Но просветление души, вопреки всему, шло через правду трагедии времени, и красный жесткий снег с Дворцовой площади, завывавший воронками, хлестал в его лицо и просветлял зрение, а он, Александр Блок, как никто, умел слушать ветер, не отвращая от него лица.

Он любил ходить по торцовым мостовым площадям, по тротуарам Невского проспекта, по набережным бесчисленных петербургских каналов. Шаги Блока звучали по гулким спинам мостов, по узким тропинкам петербургских пригородов и кладбищ. Он любил свой город и с каждым взглядом на него, с каждым вздохом обнаруживал новые узелки радости с его прошлым и с его будущим. Поэт жил радостью и трагедией, величием и тоской своего города. Слышал залпы его баррикад и видел красную, как знамя над баррикадой, кровь, вмерзшую в снег, затоптанную солдатскими каблуками и подкованными копытами лошадей.

Он был беспощадно правдив и верил в праздник правды. Он страдал, не показывая вида, как это подобает мужеству.

Первая русская революция, по его выражению, обнажила всю несостоятельность самодержавия, весь его «прогнивший хлев». Блок искал «дорогу к делу», мучительно искал. Он видел, «как тяжело лежит работа на каждой согнутой спине». Призрачная неопределенность символизма мешала ему дышать и мыслить, верить и любить, и он все чаще стал переступать через символистские каноны. Он первый из символистов понял подвиг Максима Горького, увидел в нем пример служения народу. Блок и сам в письме к С. Городецкому говорил о том, что искусство должно изображать жизнь и проповедовать нравственность.

Внутренняя борьба изматывала и в конечном счете просветляла его бесконечную душу:

Гроба, наполненные гнилью,
Свободный, сбрось с могучих плеч!

Чтобы сказать так, нужны были сила воли и убеждение.

и надежды. И я могу плакать над этой запечатленной судьбой от сочувствия и восторга перед нею, от трудной причастности своей судьбы к истории и жизни моего народа, к его отходчивой душе.

Блок «всем телом, всем сердцем, всем сознанием слушает революцию». Он надеется на ее очистительную бурю и накануне Октября записывает в дневнике: «Один только Ленин верит, что захват власти демократией действительно ликвидирует войну и наладит все в стране».

Блок ждет Революцию и приветствует ее. Он видит в ней единственное спасение России и Поэзии. И когда Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет после победы Октября пригласил в Смольный художественный интеллигентный Петрограда, чтобы обдумать с ней вместе насущные вопросы развития культуры, в Смольный пришло несколько человек, среди них были Александр Блок и Владимир Маяковский.

Блок пошел вместе с народом и отдал ему все свои силы, знания и опыт. Он это сделал по собственной воле и убеждению после долгих лет глубочайших раздумий над судьбами России, над путями и перепутьями ее художников.

«Мир и братство народов» — вот знак, под которым проходит русская революция. Вот о чем ревет ее поток. Так писал Александр Блок. И его слово не расходилось с делом, потому что его делом было слово, обнаженная Революцией правда слова. Он был примером для русской интеллигенции в Революции — умением понимать время, его движущие силы и служить им всеми имеющимися в его распоряжении возможностями.

Великая сила Революции создавала своих великих художников, и эти художники, дыша воздухом ее веры, создавали шедевры, достойные Революции. Среди них — поэма Александра Блока «Двенадцать».

Блок по-своему услышал и воспел Революцию. Его поэзия стала первым памятником Революции и лебединой песней поэта, его последней песней, вершиной его гения, вершиной, с высоты которой виден весь трудный путь подъема, вся долина поэзии, возделанная его руками. Это вершина, примечательная для других художников, вершина, достойно венчающая сложный и прекрасный путь поэта к народу, к празднику человеческого братства.

«Двенадцать» Александра Блока — первый ориентир Октябрьской революции в поэзии. Маяковский напишет «Хорошо!», Демьян Бедный «Главную улицу» — потом, после поэмы Блока, когда она разовется по всему миру, вызывая удивление и восторг друзей нового мира, злобу и ненависть — в лагере реакции, у внешних и внутренних врагов республики.

Блок написал «Двенадцать» по горячим следам, через два месяца после победы Октября. Написал быстро, за несколько дней. Очевидно, сам материал, сам напор событий, перспектива, которая вдруг открылась перед духовным взором Блока, так захватили и воодушевили его, что он, по обыкновению очень стро-

Александр Блок был многограден в своей личной поэзии, и в каждой грани его таланта светилась истина, открытая поэтом для себя, она же — для самого себя поставленная вежа: «человек есть будущее».

Он умел любить трогательно и пронзительно:

Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою.

Так пел ее голос, летящий в купол,
И луч сиял на белом плече,
И каждый из мрака смотрел и слушал,
Как белое платье пело в луче.

И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели.

И голос был сладок, и луч был тонок,
И только высоко, у царских врат,
Причастный тайнам — плакал ребенок
О том, что нинто не придет назад.

Это стихотворение написано в августе 1905 года после расстрела у Зимнего, после баррикад и демонстраций, на одной из которых самому Александру Блоку довелось обжечь ладони о древко с пылающим кумачом — Блок нес знамя вперед демонстрации. Что это было? Случай? Или роковое совпадение случая с убеждением? Не знаю. Но думаю, что ответ красного кумача сверкал в молодых и гордых глазах Александра Блока, как высший знак счастья, как сама судьба и вера в победу справедливой, единственно справедливой судьбы.

Блок написал стихотворение «Девушка пела в церковном хоре» как памятник и как молитву, исполненную сочувствия утратам и жертвам. Написал его как песню утешения. И она утешала, утешает и не раз еще утешит человеческие души в минуты скорби и печали.

Стихотворение было очень дорого и самому Блоку. Каждое свое публичное выступление он заканчивал именно этим, отмеченным какой-то особой чистотой и уравновешенностью вздохом.

И все-таки от прелести белой девушки в храме, от ее голоса поэт вышел в мир радостей земной жизни человека, вышел к «Вольным мыслям» и запел:

Высокий гимн о том, как ясны зори,
Как стройны сосны, как вольна душа...

«Вольные мысли», как четыре чаши отборного белого ямба стоят особняком в лирике Александра Блока и в русской поэзии. Они жизнеутверждающи по мысли и чувству, скульптурны по форме, просты святой мудростью самой природы и прекрасны ее глубинной и вечной красотой. Они пахнут прогретой июльским солнцем водой, жарким можжевельником и поющим на грешных дюнах песком. Они бегут, как четыре волны по гладкой отмели взморья:

гий судья всего выходившего из-под его пера, на этот раз, окончив поэму, записал в дневнике: «Сегодня я — гений».

Сойдя со страниц газеты, уже отделившись от своего создателя, поэма начала самостоятельную жизнь. Сила ее воздействия была огромна. Она объясняла. Предупреждала. Звала. Организовывала.

Стоит буржуй, как лес голодный,
Стоит безмолвный, как вопрос.
И старый мир, как бес безродный,
Стоит за ним, поджавши хвост.

Поэма жила, действовала — на улице и в казармах, в цехах и на фронте.

Революционный деринте шаг!
Неугомонный не дремлет враг!
Она подбавляла, наполняла верой, воодушевляла:
Вперед, вперед, вперед,
Рабочий народ!

Всей собранностью своих двенадцати глав она учила собранности характера и души. Она стала народным явлением. Явлением Революции. Взрывной силой ее действия.

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови —
Господи благослови!

Поэма, естественно, потребовала от Блока всего опыта, всего мастерства, собранности последних сил, постороченного растратного здоровья и души. Он отдал поэме все, ничего не пожалел, ничего не оставил себе... На большее у него не хватало сил.

Александр Блок с глубокой серьезностью относился к своему делу — к делу литературы: он всеми знаниями своими и темпераментом боролся за Высокую Русскую Литературу — и не только как поэт и драматург, а и как прекрасный публицист, понимающий свое назначение и ответственность.

Это святая правда, что «песня с бурей вечно сеет». И в великой кладовой культурного наследия человечества есть слово судьбы русского поэта Александра Блока. Есть в могучей реке русской поэзии Блоковский перекат, живой, бунтующий, kloкочущий страстью и необоримой силой устремленности в завтрашний, светлый день мира. Этот перекат возник на перекате мировой истории, и вместе с породившей его Революцией он держит связь времен и поколений. Надежно держит.

Словно обращая к миру и к себе, размышляя о своей судьбе, Александр Блок говорит:

Пусть души жизни сон тяжелый.
Пусть задыхаюсь в этом сне —
Быть может, юноша веселый
В грядущем скажет обо мне:
Простим угрюмость — разве это
Сокрутный двигатель его?
Он весь — дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество!

Так пусть этот юноша с завитками рыжих волос над высоким лбом и с открытым взглядом светлых глаз, стоя у этого переката, найдет в себе силу и право повторить, размышляя над своей судьбой, вслед за Блоком:

А мир — прекрасен, как всегда.

Ленинград.

2 AUG 1980

INTERNATIONAL PUBLISHING MOSCOW

max-A. Petrovskaya